

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос-Рус)
М82

Составитель серии *А. Лидин*

В книге использованы иллюстрации
Джозефа Клементя Колла (1881—1921)

Москвин И.

М82 Убийство в Невском переулке. — М.: ИД «Флюид
ФриФлай», 2019. — с. 400.

Новую серию классических детективов открывает роман об Иване Дмитриевиче Путилине — одном из величайших сыщиков Российской империи. Как писал А. Ф Кони: «В Петербурге в первой половине 70-х годов XIX века не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда».

ISBN 978-5-906827-55-5

© И. Москвин, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

ПРОЛОГ

— НЕТУ ОТ ВАС никакого покою Ивану Митричу, — ворчала Глаша, на все руки мастерица, и домашняя хозяйка, и повариха, и экономка в одном лице. — На улице мороз, не приведи господь, а тут происшествия, происшествия... — передразнила она присланного за начальником сыскной полиции Путилиным посыльного. — Да ноги отряхни, — процедила сквозь зубы, — снега по коридору нанесешь, а мне потом от воды избавляйся. Жди, — и дальше порога не пустила, сама же тихими, почти неслышными шагами прошелестела к двери в спальню хозяина, занесла руку, чтобы постучать.

Иван Дмитриевич не спал, проснулся с час тому и никак глаз сомкнуть не мог, все мысли тяготили, то одно на ум придет, то другое. Ворочался, как детская юла, но сон не шел. Путилин слышал, как раздалось дребезжание колокольчика, как Глаша, вполголоса выражая свое недовольство, пошла отворять дверь. Потом жалобно звякнула цепочка, послышался невнятный бубнеж.

Начальник сыска не стал ждать, когда Глаша начнет с тихого стука, а потом и загрохочет кулаком, поднялся, натянул халат, только с третьего раза попав в рукав, и направился к двери, отворил.

Домашняя хозяйка застыла с поднятой рукой.

— Ну, кто там? — устало спросил Путилин.

— Посыльный.

— Я понимаю, что посыльный. Из наших? — Иван Дмитриевич имел в виду — из сыскного, домоправительница поняла.

— Первый раз вижу.

— Пусть пройдет в кабинет.

— Так натопчет, — возмутилась Глаша, но, увидев в свете колеблющегося свете свечи лицо хозяина, быстро ретировалась.

Через минуту в кабинет, теребя шапку в руках, вошел приземистый мужчина с седыми полосками в бороде и густыми бровями, остановился у входа и, переминаясь с ноги на ногу, произнес:

— Меня это... — Голос, хоть и басовитый, но звучал как-то натянуто, видимо человек оробел, встретив настороженный взгляд начальника сыска.

— Что стряслось? Кто прислал? Давай по порядку и безо всяких околичностей. Понятно?

— Так точно, ваше превосходительство, — званый гость вытянулся, словно на параде. — Понятно, — но так и остался стоять с открытым ртом, то ли не зная, с чего начать, то ли робость, однако, не проходила.

Иван Дмитриевич зажег еще один светильник на три свечи.

— Я слушаю.

— Ваше превосходительство, — набрался смелости мужчина, — близ Черной речки нашли убиенного.

— Не замерзшего?

— Никак нет, убиенного, голова вот тут проломлена, — и он рукой тронул затылок.

— Сам видел?

— Сам, — всем видом говоря: а как же, я лишку никогда не болтаю. — От этого за вами и пристав меня снарядил, сани выделил.

— Господин Евграфов?

— Так точно, Федор Осипыч.

Указанная территория относилась ко 2-му участку Выборгской части, в которой приставом служил штабс-капитан Евграфов, молодой человек, с которым Ивана Дмитриевича не один раз сводила судьба. Не оставляют преступники без надзора ни один участок столицы, вот и приходится знать чуть ли не каждого околоточного в городе, не то что приставов.

— Погрейся, пока оденусь, — добавил Путилин уже в дверях, — зябко на улице, небось мороз кусает?

— Ишо как, — признался мужчина, — в этом годе зима лютая, ой какая лютая.

У ПАРАДНОЙ СТОЯЛИ сани. Иван Дмитриевич поежился, выйдя из дома, и даже поднял меховой воротник пальто, но, сев на скамью саней, удивился, что не так уж и холодно в столице.

Доехали быстро, всего-то несколько улиц. Посыльный сидел на облучке с извозчиком и ни разу не повернулся, видимо, все-таки робость перед самим Путилиным брала верх.

По пути Иван Дмитриевич ни о чем конкретном не помышлял, мысли бегали, как муравьи: вроде бы голова занята, но непонятно чем. Все какие-то обрывки то о службе, которой в этом году четвертьвековой юбилей, и пора бы на покой, все-таки действительный статский советник... то о злодеях, не ценящих человеческую жизнь, словно она не дана свыше Божьим проведением, а так, пустяк, который можно походя забрать, то снова о том, кто в способности заменить его, Ивана Путилина, на таком ответственном посту.

Здесь мало лизоблюдства и преданного взгляда в глаза вышестоящему начальству, здесь порой надо и под нож с пулями лезть; потом мысли перескочили на зиму...

Так и домчали до места преступления.

ШТАБС-КАПИТАН ЕВГРАФОВ, тридцати с небольшим лет, высокий блондин с короткими волосами и небесно-голубыми глазами, выхаживал по пустырю в ожидании начальника сыскной полиции. В «Справочной книге Санкт-Петербургского градоначальника» Федору Осиповичу было уделено несколько строк:

Православный, женат, воспитывался в частном учебном заведении, на службе с 24 января 1864 года, в должности с 12 апреля 1874 года, в чине с 16 марта 1873 года...

Но эти скупые строки не могли вместить того, что с первого дня Евграфов взялся за околоточных, а потом и за городских, начал наводить порядок, какой только возможно. Больше не стало со стороны полицейских чинов самоуправства. Капитан был скор на расправу, увольнял за большие нарушения безо всякой жалости и к тому же с волчьим билетом. Подчиненные Федора Осиповича побаивались, но уважали за справедливость, иной раз своих в обиду не давал, когда возводили напраслину.

— ДОБРОЙ НОЧИ ИЛИ утра, Иван Дмитрич, — протянул руку Путилину капитан.

— Главное не утро или ночь, а то, чтобы они были добрыми, — улыбнулся начальник сыскной полиции, пожимая руку Евграфова.

— И то верно, но добрым назвать не могу.

— Рассказывайте, Федор Осипович, что стряслось в ваших краях?

— Так рассказывать нечего, от Чернореченского моста, — пристав указал рукою, — до Флюгова переулка, — кивнул в другую сторону, — возвращался из трактира Степан Тимофеев, заметил в стороне на пустыре темное пятно, подошел, ну а далее — в участок, благо он недалеко.

— Значит, Степан Тимофеев.

— Знакомая фамилия?

— Нет-нет, это я так, а дальше?

— А дальше дежурный пошел с Тимофеевым, вызвали меня. Вот и все.

— Вы осматривали место преступления?

— Нет, Иван Дмитрич, я более склонен доверять вашему чутью, поэтому более никто к трупу не подходил, кроме Тимофеева и дежурного.

— Хорошо.

Убитый лежал на спине, широко раскинув руки в стороны. На нем было надето только нижнее белье. Расстегнутый ворот нижней рубашки открывал покрытую седыми волосами грудь, поверх лежал на толстой нитке нательный медный крест.

Иван Дмитриевич сперва остановился подле убитого, обозревая место преступления. Повернулся то в одну сторону, то в другую. Склонился над трупом, повертел в руках нательный крестик, потом выпрямился, и лоб Путилина прочертила морщинка.

— Н-да, — протянул он и пожал плечами. — Становится понятным...

Пристав стоял в нескольких шагах и наблюдал за действиями сыскаго начальника, хотел было что-то спросить. Уже открыл рот, но воздержался от любопытства, что же все-таки усмотрел здесь Иван Дмитриевич.

— Ну что, Федор Осипович, картина мне ясна, только вот следствие зайдет в тупик, ежели мы с вами фамилию сего человека, — он указал на убиенного, — не узнаем.

— Попробуем, хотя, — засомневался пристав, — вы что-то узнали?

— Немного. — Путилин помассировал пальцами подбородок. — Они приехали...

— Они? Простите, Иван Дмитриевич, — стушевался капитан.

— Судя по следам, их было трое. Ладно, Федор Осипович, не буду напускать туману. Убитый, видимо, чухонец, это видно по белью и крестик на шее, сегодня же двенадцатое февраля, а значит, Сырная неделя, и, скорее всего, он, наш убиенный, прибыл в столицу для извозного промысла. Это я говорю так, что у чухонцев сани приметный на снегу след оставляют, видите, — Путилин опустил на корточки и провел рукою по колее, — обратите внимание, как подкована лошадь, это тоже говорит, что убитый — чухонец.

— Может, чухонец — убийца, вот сюда труп и привез?

— Нет, Федор Осипович, именно чухонец убит, посмотрите на следы здесь и здесь, это два разных человека, один подволакивает ногу, от этого и след такой, словно кто волочит что-то, а второй, наверное, высокий и весу большого, видите, как промятость выделяется. Убитого снарядили, чтобы он в эти края ездовых довел, вот они доехали сюда. Я уж не знаю причину, по которой чухонца попросили остановиться, видите, лошадь гарцевала и натоптала здесь.

— Вижу.

— Так вот, они, видимо, переехали Чернореченский мост, и сюда. Здесь чухонец остановился, сошел с козел и уже на земле получил первый удар по голове, упал ничком, выпростав вперед руки, словно в последнюю минуту жизни пробовал отползти от злоумышленника. Вот видите, он доскреб до земли, и его еще два раза ударили. Потом сняли с него одежду и на санях уехали.

— Вот поэтому, Иван Дмитрич, я и не подходил к трупу, чтобы не затоптать следы. Я, ей-богу, не приметил того, что увидели вы.

— Не наговаривайте на себя, Федор Осипович, вы все бы заметили и без меня, ведь следы многое дают. Так что стоит искать пропавшего чухонца.

— Да, задачка, — провел рукою по шее капитан.

— Я вам предлагаю проверить постоялые дворы в округе. Думаю, в такой поздний час, как совершенно было убийство, чухонец взял последних седоков, которые следовали в его сторону, не думаю, чтобы он промышлял ночью, в такое время люд в теплых постелях и не получишь много денег, а вот днем другое дело. Поэтому ищите в первую очередь чухонца, который заплатил за ночлег вперед за несколько дней, а сам не приехал.

— Но ведь сегодня первая ночь, когда он исчез.

— Федор Осипович, не мне вас учить, как искать пропавших. Не первого же вы разыскиваете. Тем более вы на своем участке даже иголку сможете найти.

— Это вы верно подметили, — улыбнулся пристав. — Хотя не перехваливайте.

— Отнюдь, — на лице Путилина тоже появилась улыбка, — не обессудьте, но я могу не только отпускать комплименты.

— Знаю.

— И надеюсь, мне не придется привлекать сыскных агентов к розыску ночлега чухонца.

— Не придется, — со всей серьезностью в голосе произнес штабс-капитан Евграфов.

Иван Дмитриевич долго не размышляя, ехать ли домой или в сыскное.

— На Большую Морскую, — Путилин стукнул по плечу тростью извозчика.

Дежурный чиновник не удивился раннему приходу начальника сыскной полиции, сдержанно поприветствовал, доложил о происшествиях, коих на утренний час не наблюдалось. Об убийстве пристав Евграфов не доложил, ему самому еще не доложились об этом происшествии...

ШТАБС-КАПИТАН ЕВГРАФОВ отправился в участок, домой идти после вечерней размовки с женой не очень-то и хотелось. За завтраком видеть недовольное

лицо любимой женщины было выше сил, особенно когда ее алые губки капризно надувались, а взгляд выражал такую обиду, что хотелось провалиться, лишь бы не ощущать на себе этот выразительный взор.

Окна участка выходили в сторону Бабуриного переулка — унылый пейзаж, в особенности весной и осенью, не радовал взгляд, а сейчас, в зимнее время, хотя бы белый цвет навевал не такие мрачные чувства.

«Первым делом, — размышлял пристав, — надо дать указания околоточным. Каждый из них знает свой участок как свои пять пальцев. Нужно искать лошадь и сани, но о них будет известно после выявления фамилии чухонца, ведь те, кто с ним ночевал, по всей видимости, видели и сани, а значит, могут описать какие-нибудь приметные детали, а далее... — Капитан сжал до боли губы. — Далее, далее... — вертелось в голове, но так ничего толкового и не приходило. — Далее ничего не остается, как идти на поклон к Ивану Дмитричу. А почему, собственно говоря, на поклон, служим одному государю и выполняем одно дело — следим за порядком в столице, пресекаем злодеяния, а если те и происходят, то учинившего преступление надобно, находить, и «тогда ему воздадут по делам его», — закончил он размышления словами из Святой книги...

К семи часам околоточные стояли в коридоре, опасаясь войти в кабинет пристава. Гадали, что могло стрястись, по какой такой надобности их собрали в участке в столь ранний час, ведь часом позже они все равно должны были явиться с докладами о состоянии дел в околотке. А сейчас, как в особом случае, капитан Евграфов отправил за ними посыльных с указаниями.

— Наверное, убийство случилось, — хмурился один.

— Точно, — говорил другой. — Не без этого.

С хмурыми лицами они входили в кабинет, украдкой бросая взгляды на озабоченное лицо Федора Осиповича.

— Я вас вызвал по важному делу, — начал пристав, не поприветствовав собравшихся. Такое случалось не часто. Видимо, слишком озабочен был участковый начальник. — Слышали, что на пустыре Языкова переулка найден убитый? Исходя из того, что он раздет, это разбойное нападение с целью грабежа. Убит, по всей видимости, чухонец, приехавший в столицу подработать извозом, и, скорее всего, он остановился на постоялом дворе. Так как началась Сырная неделя, то, скорее всего, заплатил он за неделю вперед, но, может быть, остановился у знакомых, поэтому расспросить надо всех. А так как вы знаете участок хорошо, и вам знаком каждый житель и приезжий на доверенной вашему вниманию территории, и, ко всему прочему, вы в состоянии проверить подопечные вам околотки, через два часа жду вас со сведениями о чухонце, то есть фамилией убитого, приметам лошади или саней, на которых он приехал сюда. Вас более не держу, можете быть свободными.

Федор Осипович поначалу сам хотел проверить все постоянные дворы, но потом отказался от такой затеи. Участок хоть и невелик, но вдруг и правда чухонец остановился у знакомых, тогда надо проверить чуть ли не каждый дом на участке, а это, мягко говоря, задача для него непосильная, а околоточные каждого жителя знают, вот задача по ним.

ПУТИЛИН, УСЕВШИСЬ В кресло, откинулся на спинку и предался размышлениям. Стоит ли послать сыскных агентов на поиски ночлежного места чухонца, или довериться приставу? Штабс-капитан Евграфов толков, сметлив и служит по чести, по крайней мере о мздоимстве никто не упоминал, хотя здесь ничему верить нельзя. Вот действительный статский советник Мстиславский из Вологды ставился в пример как образец добродетели, одной рукой нуждающимся помогал, чело­веколюбивое общество организовал на собственные

деньги, а второй — мошну набивал, не только деньгами купцов и деловых людей, но и в государственную казну другую руку запустил, да так глубоко, что до сих пор комиссия разбирается. Но если о каждом такие мысли держать, то и доверять никому нельзя будет. Иван Дмитриевич покачал головой и взялся за чтение «Иллюстрированной недели» за десятое февраля, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

На первой странице был рассказ Шкляревского «Через преграды», начало напечатали в прошлом номере, но когда Иван Дмитриевич начал чтение, ему показалось в повествовании все фальшивым: и описания, и диалоги. Путилин поморщился и перелистнул дальше. Очерк о самозванце не привлек темой. «Сколько их ныне развелось?» — ненавязчиво мелькнуло в голове и пропало.

В прошлом номере без указания имени автора под повестью с неприятным названием «Золотое сердце» Путилина привлекла подпись «Из уголовной хроники», но после одной страницы непросветного бреда о графьях, подмененных детях, потайных комнатах и лживых размышлений Иван Дмитриевич вскинул брови кверху и с досады покачал головой: «Неужто кто-то это читает?»

Вот о чем говорилось на страницах «Внутреннего обозрения»:

Защита государства безусловно требует вполне надежной боеспособной армии. Вопрос о сроке службы новобранцев в войсках — вопрос для нее жизненный; и вся военная повинность была бы бесплодна, если бы при недостаточном сроке ограничивались лишь производством недоученных масс, которых, в строгом смысле, нельзя было бы назвать войском.

Статья была продолжением споров о сроке воинской повинности на действительной службе, который ранее

сократился с двадцатипятилетнего срока до двенадцати, и этот срок был велик.

Крестьянин отрывался от земли, рабочий — от заводского или фабричного места, таким образом выпадал из жизни, вот и возник вопрос о преобразовании армии, но года шли, и даже Крымская кампания ничему никого не научила. Надо было двигаться вперед, иначе выйдет как в Европе. Пока считающаяся самой сильной французская армия почивала на лаврах, германские войска маршировали по улицам Парижа. Здесь давать слабину нельзя ни в оружии, ни в людях, которые обучаются владению порученным им оружием.

По мнению воинских начальников, наиболее ответственных в образовании солдат, при наших неблагоприятных условиях необходимо, по крайней мере, прохождение каждым солдатом не менее пяти периодов летних занятий, и должно ныне считаться лишь наименьшим сроком службы.

Еще в статье говорилось, что оптимальным сроком для службы остаются семь лет, тем более что империя тянется не на одну тысячу верст с востока на запад и учения необходимо проводить в разных условиях.

Путилин отложил в сторону газету.

Далее целая страница отведена визиту австрийского императора Франца-Иосифа II, не обошедшего наградой в честь приезда и действительного статского советника Ивана Дмитриевича Путилина Командорским крестом 3-й степени, памятуя быстрое расследование убийства военного аташе графа Аренсберга, происшедшего в столице пять лет тому и едва не поссорившего двух императоров.

ШТАБС-КАПИТАН ЕВГРАФОВ два часа не выходил из кабинета, переживая за порученное околоточным задание. Казалось, что они не справятся, а в следующую

минуту возрастала уверенность — еще миг, и придет с радостным известием один из подчиненных.

Волнение не давало покоя, хотелось что-то делать, бумаги, присланные из канцелярии градоначальника, прочитаны были не один раз, рапорты околоточных более не вызывали улыбки, хотелось побыстрее получить известия, дающие повод либо к радости, либо к огорчению.

ПУТИЛИН ДОВЕРИЛСЯ ПРИСТАВУ, Не все перекладывать на плечи сыскного отделения, пусть и приставы с околоточными поработают, тем более знают они свои участки лучше кого бы то ни было. Надо доверять, хотя в то же время и проверять. Не все служат царю и Отечеству верой и правдой. Сколько раз сведения утекали к преступникам. Верно сказано: доверяй, но проверяй. Не все в руках Божиих, в большинстве случаев в руках человеческих, иной раз продажных и не внушающих доверия. В последнее время Иван Дмитриевич все более и более склонялся к тому, чтобы уйти на покой. Здоровье подорвано, ноги порой переставали слушаться, глаза словно песком засыпаны. Дышать и то порой было больно, пора в отставку. Двадцать пять лет службы, часть времени он провел в засадах, переодеваниях... Ножевых ран не пересчитать, несколько пуль извлечено хирургами, а он, действительный статский советник, еще ходит, дышит и, главное, ловит злоумышленников. На самом деле Путилин устал — порой начнет читать газету, книгу или реляцию из министерства, и ловит себя на мысли, что вроде бы половину документа или рассказа прочитал, а в голове ничего не осталось, вот и приходится возвращаться к началу. Нет, пора на покой, пора, хотя грех признаться, что скоро всего лишь сорок пятый год.

ЧЕРЕЗ ЧАС ЯВИЛСЯ один из околоточных.

— Да, Федор Осипович, вы правы, сегодня на постоялый двор по Муринской старой дороге не явился ночевать постоялец.

— Так-так... — заинтересованно произнес пристав, а у самого и глаза заблестели.

— Крестьянин Выборгской губернии Андерс Паксу, — заглянул в бумажку околоточный.

— А приметы? — Штабс-капитан Евграфов вскочил со стула, снял висевшую на крючке шинель и на ходу начал ее надевать. — Что-нибудь приметное есть? Не может же не быть? — с потаенной радостью в голосе нетерпеливо проговорил он.

— А как же, — околоточный приободрился, предвосхищая грядущее поощрение. — Лошадь подковки имеет приметные, на каждой инициалы хозяина «А» и «П» латинскими буквами, и на санях полозья железные, с правой стороны задняя часть скручена, а со второй отломан кусок завитка, потом те же полозья прибиты к деревянным направляющим, и эти направляющие покрашены в красный цвет.

— Понятно, более ничего примечательного?

— Разговаривает чухонец растягивая слова и слегка заикаясь.

— Ну, это навряд ли пригодится, я — в сыскное... — И вышел на улицу.

— ВОТ И ВСЕ, — с удовольствием в голосе и довольным видом произнес Федор Осипович, расстегнув шинель, удобно присаживаясь на стул, давая понять начальнику сыскальной полиции, что, мол, и мы умеем полезными следствию быть.

— Очень хорошо, — Путилин никогда не стремился ущемить полицейских столицы, расточая приятные слова, — не ожидал так быстро получить нужные сведения, я не рассчитывал, что именно на вашем участке остановился убиенный, ведь столица велика.

— Честно говоря, и у меня сомнения были, — признался пристав. — То, что убийство совершено на территории участка, не говорит о том, что и чухонец проживал там. Иван Дмитриевич, а что далее?

— Далее оповещу все части и участки, каждого городского столицы, и если преступники не покинули столицу, то сегодня к вечеру я буду знать, где находятся убийцы.

— Но они могли сразу же продать сани и лошадь?

— Могли, но я так не думаю. Они совершили злодеяние ночью, забрали платье, верхнюю одежду, выгребли из карманов деньги, а значит, направились в трактир, либо к себе на квартиру, может, в дом. Но я склоняюсь к тому, что здесь у них дом, где они могут поставить лошадь, всю ночь на морозе же ее не продержишь.

— И то верно.

— Для нас это обстоятельство усложняет ситуацию, но ничего не меняет. Вдруг объявившуюся лошадь в карман не спрячешь.

— Именно.

— Так что, — Иван Дмитриевич на секунду остановился, — не буду вас обременять подробностями, но, думаю, к вечеру, возможно, мы задержим злодеев.

— Хотелось бы узнать первым об их аресте, — пристав поднялся, застегивая шинель.

— Непременно, преступление совершено на приданном вам участке, поэтому вы первый узнаете о завершении расследования.

— Мне бы вашу уверенность, — уже в дверях вздохнул штабс-капитан Евграфов.

ПУТИЛИН НАБРОСАЛ НЕСКОЛЬКО строк и вызвал дежурного чиновника.

— Вот это, — он протянул лист сероватой бумаги, — в срочном порядке необходимо разослать по отделениям, частям, но самое главное — по участкам, именно по участкам. Они более знакомы с населением, и вызови ко мне господина Соловьева.

— Господин Соловьев в отсутствии по делу майора Ордынцева.

— Да-да, я помню, тогда Василия Андреевича.

Дежурный чиновник кивнул и скрылся за дверью, несколькими минутами позже постучал и без приглашения, на манер Миши Жукова, бессменного помощника, вошел среднего роста, широкий в плечах и с неизменной застенчивой улыбкой надворный советник Иванов. Он хоть и недавно приступил к службе, но не только вписался в сыскную полицию, но и перезнакомился со множеством преступников. Память у него была, словно архив у письмоводителя. Все по полочкам и, когда надо, отыскивалось быстро.

— Добрый день, Иван Дмитрич!

Путилин в ответ только кивнул и указал на стул рукой. Иванов присел.

— Вы, наверное, уже знаете о происшествии во втором участке Выборгской части?

— Нет, — ответил надворный советник.

— Ах да, — сморщился Путилин, день только начинался, и не все отчеты были присланы из участков и сведены в журнал приключений, — так вот, — и он вкратце рассказал об убиенном, сведениях, полученных приставом Евграфовым.

— Значит, Андерс Паксу, и сведения о приметах уже рассылаются по участкам?

— Вы верно уловили.

— А мне следует найти лошадь и сани?

— Да. Вы же понимаете, что тогда и преступника найдем?

— Понимаю.

— Есть соображения?

— Смутные, — признался надворный советник, — мне надо немного подумать. — Василий Андреевич поднялся со стула. — Я, с вашего позволения, отъеду кое-что уточнить.

— Не возражаю, но только после того, как поделитесь со мной умозаключениями, а я своими с вами. Посмотрим, насколько они совпадают.

— Хорошо.

С ОДНОЙ СТОРОНЫ, лошадь с санями не иголка, но в таком городе, как Санкт-Петербург, такая безделица становилась сродни капле в море: вроде бы есть, но найти невозможно. Василий Андреевич перебирал в голове имена не тех, кто мог совершить кровавое преступление, а тех, кто мог купить у убийц сани с лошастью, таких людей было немного.

Фамилии и прозвища строками ползли перед глазами, некоторые надворный советник отметал сразу, некоторые задерживались, чтобы потом вновь к ним воротиться.

Почти полчаса Василий Андреевич ходил по кабинету из угла в угол, порой останавливаясь, а иной раз размахивал руками, так что складывалось впечатление, что он беседует с невидимым собеседником.

— МНЕ КАЖЕТСЯ, НАШИ убийцы... — начал с порога надворный советник. — Здесь вы, Иван Дмитрич, правы... На самом деле злодеев двое. После преступления они, видимо, направились в трактир куда-нибудь на Охту, Ланскую или Озерки. Я более склонен думать, что второе более вероятно. На окраине столицы держатели заведений, где можно выпить чарку водки, не так строго придерживают законов, да и полицейские чины по ночам там редкие гости.

— А ведь Ланская неподалеку от постоялого двора, где останавливался убиенный?

— На то и расчет. Кто ж будет искать лошадь и сани пришлого чухонца в первый день исчезновения? Притом кто мог предположить, что полиция опознает убитого сразу же?

— И то верно.

— Эти злодеи пока спокойны и не спешат избавиться от обузы в виде лошади. А на окраине есть где поставить в тепло лошадь.

— Значит, вы прикинули, в какое заведение они поехали?

— Конечно, ведь там есть куда сбыть с рук опасный товар.

— Федьке Веселому, что ли?

— Точно так, Федор Семенович Перышкин, по прозвищу Веселый, скупщик товара, приобретенного нечестными людьми не совсем законным образом, да еще содержатель дома терпимости — предприимчивый господин, деньги из рук не выпустит.

— Полностью согласен... Уверены, что у Веселого?

— Уверен, — выпалил Василий Андреянович, — даже более чем.

— Что ж, берите трех агентов, и на Ланскую, надеюсь, не надо вас учить, как поступать с преступниками, — было не понять, говорит Путилин серьезно или шутит.

— Разберусь, — уклончиво отвечивал на дворный советник.

— А если, — услышал надворный советник, выходя из кабинета, и обернулся, — преступление совершили залетные?

Иванов ничего не ответил.

Мрачный двухэтажный деревянный дом встретил сыскных агентов тишиной, словно в такой час никто не проснулся и продолжал отдыхать. А ведь Веселый принимал «гостей» чуть ли не до первых петухов. Правильно сказал один из римских императоров, что деньги не пахнут, а только делают богаче их обладателя.

Странно, но дверь черного входа была открыта, и сыскные агенты не преминули воспользоваться сим обстоятельством.

БЛИЖЕ К ПОЛУДНЮ в отделение явился Жуков, самый молодой из сотрудников сыскной полиции и по совместительству помощник Путилина. У Ивана Дмитриевича не поднималась рука перевести Мишу в чиновники для поручений, хотя несколько раз освобождалась должность. Все, казалось, молод, пусть сначала опыта наберется, а уж потом...

В коридоре начальник сыскного отделения столкнулся с помощником.

— Иван Дмитрич, — обрадовался Миша, — а я к вам.

Путилин только тяжело вздохнул и посмотрел в глаза помощника.

— Иван Дмитрич, я тут с утра узнал от дежурного чиновника об убийстве в Языковом переулке и прочитал ваш циркуляр участкам, — начал Жуков. — Вот я и подумал, что недавно на Волковке такой же случай произошел, но тогда возница остался жив и взял ездовых на пересечении Екатерининского канала и Малой Мещанской улицы. Я взял с собою Леву, и туда, там ведь находится дом мадам Медведковой, недорогое заведение, именно для таких, как нападавшие.

— И? — не выдержал Путилин.

— Стоят сани с красными полозьями, со сломанной одной лыжей, вот лошадь не проверил, времени не было, да и внимание привлечь не хотелось.

— Значит...

— Совершенно верно, Лева там следит, а я за вами.

— Если преступники пешком уйдут?

— Иван Дмитрич, вы что, Леву не знаете?

Да, Лева Шахов, когда-то Арон Шляйхер, единственный иудей, принятый на службу в сыскную полицию по ходатайству Ивана Дмитриевича, сменил имя, но не данную природой внимательность и мыслящую голову. Если он следил за кем-то, то с полной уверенностью можно сказать, что не отступится ни на шаг, но ведомый так и не заметит маленького шустро человека с черными волосами и едва заметной хитрой улыбкой.

— Сколько их?

— Один, — Миша понял, что речь идет об убийцах.

— Один? — удивился Путилин.

— В заведении один, — успокоил своего начальника Жуков, — второго там нет.

— Почему не задержал?

— Иван Дмитрич, я ж не ведаю ваших планов, может быть, надо просто проследить, вот мы...

— Хорошо, возьми с собою агентов, кто в отделении, и привези мне голубчика.

— Александра, — сказал Миша Бровь Путилина поднялась кверху. — Он назвался Александром.

— Поезжай.

— МАДАМ, Я...

— Знаю, Мишенька Силантич, кто вы такой, знакомы заочно, — содержательнице дома терпимости мадам Медведковой недавно пошел сорок седьмой год, но лицо ее осталось без единой морщинки, и не было у нее на лице той отвратительной пудры, что в ее годы пользуют дамы, скрывая пелену лет. Выглядела она привлекательно — обворожительная открытая улыбка... Но вот настороженный взгляд карих глаз не скрывал раздражительности. — Я понимаю, вы пришли, — она указала на двух агентов, стоящих у него за спиной, — не ради получения наслаждения.

— Вы правы, мадам, — Жуков жалостливо вздохнул, — нам нужен один из клиентов.

— Понимаю, служба.

— Совершенно верно.

— Мне кажется, что нужен вам владелец тех саней, что стоят во дворе? Очень подозрительная личность их владелец, мало того что заявился ночью, так все лучшее ему подавай.

— Вы очень проницательны, мадам.

— Благодарю за комплимент, и зовите меня Марией Ивановной. Меня коробят такого рода слова, как «мадам».

— Так где мы можем найти господина Александра?

— На втором этаже, первая комната справа, но прошу вас, Михаил Силантич, без стрельбы, сломанной мебели и разбитых стекол.

— Постараемся.

МИША ПОСТУЧАЛ ЛЕВОЙ рукой, в правой за спиной держал пистолет, так, на всякий случай. Щелкнул замок, и из-за двери выглянула девушка с глазами мутными от водки, выпитой ночью. Помощник Путилина поманил ее пальцем и показал жестом молчать.

— Где он? — тихо шепнул Миша.

Девушка неопределенно кивнула за спину.

— Кто там? — раздался хриплый голос.

— Вино принесли, — не растерялась девушка.

Миша мягко отодвинул проститутку в сторону и прыгнул в комнату.

Перед ним, держась за край стола, предстал очень бледный человек с прямыми, тусклыми, давно немывтыми волосами, с высоким выпуклым лбом и непроницаемыми глазами. Он метнул на Жукова подозрительный взгляд, потом на окно, и с невероятной быстротой рванулся к двери, сбив с ног Леву и оттолкнув второго агента. Миша бросился за ним и только перед порогом умудрился выставить ногу вперед, о которую и зацепился убежавший.

Уже потом Жуков поинтересовался:

— Александр?

— Что надо?

— Александр?

— Ну.

— Прошу следовать за мной, и без фокусов.

— Если не пойду?

Миша приказал агентам, сопровождающим его:

— Вяжите.

— Я... — начал было Александр, но устало опустился на стул, закрыв лицо руками.

— Говорил же ему, не стоит, а он: «Все пойдет как по маслу... Как по маслу...» — передразнивал кого-то задержанный.

В сыскном он назвался Александром Меркуловым, порховским меццинином, приехавшим с столицу с братом Алексеем, который скрылся из-под надзора лужской полиции.

НЕ УСПЕЛ ЯВИТЬСЯ Жуков с радостной вестью, как от надворного советника прибыл один из агентов.

— Иван Дмитрич, — начал агент с порога, — Федька Веселый с домочадцами убит...

— ИВАН ДМИТРИЧ, — НАЧАЛ с порога агент, запыхавшийся и потный лицом, словно от Ланской бежал, а не ехал на санях, — Федька Веселый с домочадцами убит.

Путилин в изумлении поднялся с излюбленного кресла и, заикаясь, произнес:

— К... к... к... как убит?

Сыскной агент вытер со лба шапкой пот.

— Убит, я толком не знаю, но одни ножом изрезаны, другие задушены, но что кровью все залито, могу сказать точно. Самолично видел.

— Дела... — Иван Дмитриевич ударил кулаком по столу и, играя желваками, прошел к окну. — Вот новость так новость! — потом повернулся к агенту и спокойным голосом приказал: — Позови дежурного чиновника!

Распоряжений было немного: разыскать, хоть из-под земли, чиновников по поручениям, доктора, и направить их незамедлительно в Ланскую, в дом Федьки Веселого, известного в столице скупщика краденого, содержателя дома терпимости и человека, за плечами которого не один десяток организованных преступлений.

Уже на улице, когда Иван Дмитриевич удобно расположился на скамье саней, объявился Жуков, занимавший должность помощника Путилина.

— Убийца задержан, — Миша не сдерживал пышущей довольством улыбки.

— Садись, — начальник сыскного отделения кивнул на свободное в санях место.

— А как же... — не договорил помощник, указывая на задержанного, потом повернул голову к агентам, распорядился: — Меркулова в камеру, — и осторожно опустился на скамью саней.

— Федька Веселый убит.

— Да ну, — присвистнул Миша.

— Не было печали, — Иван Дмитриевич смотрел куда-то в небо и, словно очнувшись от забытья, распорядился: — Трогай.

СНЕГ СКРИПЕЛ ПОД полозьями, навевая печальные мысли. Небо распогодилось, и быстро бегущие темные тучи лишь изредка закрывали от взора не по-зимнему греющее солнце. В ярком свете дома смотрелись особенно нарядно, глаза слепили блики отражавшегося в окнах дневного светила. Народ на улицах суетился, шел по своим делам, смеялся, громко разговаривал, но никто и не подозревал, что смерть всегда стоит с остро заточенной косой рядом и в любую минуту может одним движением перерезать нить жизни, как недавно случилось в Ланском, где Федор Семенович Перышкин, по прозвищу Федька Веселый, лежит с перерезанным горлом в темной комнате второго этажа, где хранил деньги, золото, процентные бумаги, как говорил, на старость. Как ни загадывай, какие ни строй планы, сколько ни копи денег, итог один — всего с собою не заберешь, даже, может, этим накопленным не воспользуешься.

Иван Дмитриевич знал Федьку давно, но никак не мог поймать. Осторожным был Перышкин, никогда своими руками ничего не делал, но вот и его час настал. Пока ехали, Путилин размышлял, кому мог перейти дорогу Веселый, или, может быть, убийство из разряда «вор у вора дубинку украл». Тогда сложно найти настоящего убийцу, хотя если Федька кого-то впустил, то, значит, знал убийцу, или этот кто-то мог весточку принести из мест не столь отдаленных, а мог и просто посетителем публичного дома быть. Услуги недороги, подопечных Веселый не жалел, главное, чтобы доход приносили, притом деревень и сел по губернии много, а по России и не счесть, крестьяне всегда рады от лишнего рта избавиться.

Бег лошадей с каждым шагом приближал к печальному месту, где поселилась вездесущая смерть.

В ДОМЕ ФЕДЬКИ Путилин бывал не раз. Пока ехал, силится вспомнить, когда такая оказия представлялась в последний раз. За суетой повседневных дел забывается многое, более в памяти сидят места преступлений, приметы, подмеченные острым взглядом, злодейские лица.

Ланская встретила тишиной, до дома Веселого на улицах не встретилось ни одного человека, словно и в самом деле печальный ангел простер черные крыла над, казалось, вымершим районом.

Вокруг дома высился трехаршинный забор с вычурными резными воротами и калиткой под навесом, видимо, чтобы приходящие не мокли под дождем и снегом.

Иван Дмитриевич первым вышел из саней, размял ноги и осмотрел окрестность. Ближайшие дома находились саженьях в пятидесяти с одной и второй сторон. В том, что справа, дым белесым столбом поднимался в небо — ветер стих. В том, что слева — не убран даже от снега двор, это говорило о том, что хозяйева перебрались в другое место.

Ворота в Федькин двор были открыты настежь, в глубине виднелись еще одни сани.

— Пристав? — то ли сказал, то ли спросил Миша.

— Сейчас и узнаем, — с горечью в голосе произнес Путилин.

На пороге дома стояли люди, среди которых выделялся надворный советник Иванов, в военной шинели местный полицейский начальник, пристав 1-го стана Лесного участка поручик Авчинников с подчиненными, агенты и человек в статской одежде, которого Иван Дмитриевич не мог признать.

Начальник сысского отделения сдержанно поздоровался со всеми, не подавая никому руки.

— Иван Дмитриевич! Мы вас заждались, — первым произнес пристав, спускаясь с крыльца и протягивая Путилину руку, и, словно бы оправдываясь, добавил: — Вот при каких обстоятельствах приходится встречаться.

— Да, перед погодой и преступлением преимуществ мы не имеем.

— Совершенно так, — согласился исправник. — Не приведи господь встречаться при таких обстоятельствах.

— Что стряслось? — Иван Дмитриевич повернул голову к надворному советнику Иванову, чиновнику по поручениям.

— Пятеро убитых.

— Пятеро? — вскинутая Путилиным кверху бровь говорила об удивлении.

— Пятеро.

— Но если заведение Федьки Веселого работало, а оно не могло не работать, то их должно быть больше.

— Согласен с вами, Иван Дмитриевич, — после того, как прочистил горло кашлем, сказал поручик Авчинников. — Но и так трупов много.

— Я не о том, — отмахнулся начальник сыскного отделения, — значит, пятеро, а женщины?

— Одна.

— Однако странно, что одна, — раздражение не покидало Ивана Дмитриевича, наполняя каким-то неясным состоянием, вдруг появившейся ниоткуда тревогой, и ко всему прочему невидимая рука мягкими пальцами начала сжимать под лопаткой сердце, — показывайте, — и, шумно выдыхая воздух, он тяжело поднялся на крыльцо, придерживаясь за перила, — чем земля Ланских богата.

Иванов распахнул дверь.

— Я пройду первым, — предупредил надворный советник, — тем более что там я бегло осмотрел все.

Путилин слегка подтолкнул в плечо чиновника по поручениям, мол, не надо оправданий.

В передней по традиции сидел Иван Кожемякин, детина под три аршина ростом с широкими плечами и мощной, как у быка, шеей, служил Федьке Веселому словно цепной пес; ни один не внушающий доверия клиент не избежал бы встречи с вышибалой и не был бы допущен в святая святых хозяина — заведение. Ни следов борьбы, ни следов крови, что само по себе вызывало вопросы.

Иван Дмитриевич остановился, внимательным взглядом окинул переднюю, отметил, что все находится на местах, словно Кожемякин отлучился по нужде, оставив на сундуке, на котором вышибала дневал и ночевал, овчинный тулуп.

Далее шла большая комната с двумя столами, вокруг которых стояло по три стула, вдоль стен разместились несколько диванов, по углам — кадки с высокими зелеными растениями, раскинутыми шатрами ветви. На стенах дешевые картинки, и складывалось впечатление, что хозяева, обитатели, на секунду вышли прочь. Путилин прошел по комнате, провел рукою по столешнице, ни единой пылинки, даже комната не успела простыть, словно еще недавно в печь подбрасывали поленья.

Из комнаты на второй этаж вела лестница, под ней приоткрытая дверь.

— Она была открыта? — Путилин повернул голову к надворному советнику и тростью указал на дверь.

— Да, я ее прикрыл так, как она и была.

— Что там?

— Комнаты для уединения с девицами, наверну, — он указал рукой, — тоже таковые имеются.

Иван Дмитриевич прошел в коридор, оказавшийся совсем не длинным, по обе стороны по три двери, напротив входа окно, задернутое портьерой из грубого полотна.

Во всех комнатах порядок, постели застланы, словно в добропорядочном доме поутру, на полках, на шкафчиках стояли безделушки — статуэтки из гипса, какие-то

фотографии в рамках, цветы из бумазейных тканей, на стенах дешевые картины, написанные, видимо, самоучкой. Ни следов крови, ни борьбы, ничего, словно девицы сами по себе взяли и испарились в воздушной дымке.

— Где комнаты прислуги и кухня? — обратился Путилин к надворному советнику.

— Рядом, — ответил Иванов, — пройдемте.

Но и там порядок, ни крови, только приготовлены кухаркой продукты — почищенные лук и морковь, капуста и свиной окорок, моченые яблоки, брусника, но все-таки заметно, что все в спешке бросила и сбегала.

Рядом с кухней находилась комната хозяина, Федьки Веселого. Она была небольшой, всего-то широкая разобранная кровать, резной шкаф со стеклянными дверцами, за которыми виднелись графины, стаканы, рюмки, фужеры, рядом большой кованный железными узорчатыми пластинами сундук, теперь стоявший с открытой крышкой и сложенными внутри дорогими вещами, казалось, их приподняли и положили на место, в углу стоял массивного вида сейф с открытой дверцей. Путилин заглянул внутрь, там было пусто.

Федька лежал поперек кровати. Складывалось впечатление, что ранее неизвестные держали его — один за ноги, другой за руки, хотя Веселый и был не маленького роста, да и силенкой обладал не малой. На белой рубаше напротив сердца расплылось пятно крови, теперь подсохшее и ставшее коричневым. Начальник сыскного отделения наклонился над лицом хозяина, осматривая открытые с некоторым удивлением глаза.

— Теперь на второй.

На втором этаже ничего любопытного не было, только четверо убитых, и то складывалось впечатление, что смерть настигла четверых внезапно, словно они не ожидали ее, даже улыбались, словно...

— Так, видимо, и есть, — произнес Путилин. — Скорее всего, так и было, — вполголоса добавил он.

Надворный советник не выказывал любопытства. Он знал: Иван Дмитриевич сам все расскажет и даст указания в нужный час, наверное, ухватил, как говаривал, за кончик веревочки.

ПРИСТАВ ОСТАЛСЯ НА крыльце, ранее отговорившись тем, что насмотрелся на войне убиенных и сейчас не жаждет видеть таковых вновь.

Иван Дмитриевич вышел во двор, свежесть морозного дня окутала прозрачным воздухом. Путилин глубоко вздохнул, словно в доме не хватало воздуха для дыхания из-за витающей смерти.

Умолкли даже полицейские, стоящие у ворот, чтобы никто из посторонних или любопытствующих не проник в дом. Глаза присутствующих были направлены на начальника сыскной полиции, не иначе ждали, что он сведет брови к переносице и... укажет перстом на преступников.

— Что могу сказать, любезный Александр Иванович, — Иван Дмитриевич и в самом деле выглядел расстроенным, то ли от свалившейся напасти в виде пяти трупов, то ли по причине того, что преступления, совершенные в губернии, теперь приданы в расследование столичной полиции, то ли по причине плохого самочувствия, — пять загубленных жизней — это не кража из кармана полтинника. Надеюсь, что злодеи, а их здесь, — он указал на дом, — было трое, скоро будут в кандалах.

— Как? — перебил исправник Ивана Дмитриевича, но так и не договорил.

— Следы.

— Но ведь...

— Совершенно верно, господин поручик, надо обращать внимание на мелочи, которые в нашем деле имеют первостатейное значение. Вот вы стояли на крыльце, затоптали все следы, а ведь могли бы обратить внимание, что Кожемякин, хозяйский цербер, вышел на крыльцо встречать гостей, которые, к слову, пришли

не только грабить Федьку Веселого, ибо у него есть чем поживиться, но и пустить кровь. Первой жертвой стал вышибала, он встретил дорогих гостей у порога, даже сам вышел на крыльцо, чтобы их пропустить вперед. О чем толкует сей нам факт?

Авчинников пожал плечами.

— Знакомы они были или, по крайней мере, вышибала Кожемякин знал по меньшей мере одного из них и с почтением отнесся к гостю.

— Скорее всего.

— Не знаю, кто нанес смертельный удар, но вышибалу зарезали ударом в сердце, крови не брызнуло, видимо, Иван был одет в накиннутый на плечи тулуп; в последнюю секунду, когда убийца выхватывал из груди Кожемякина нож, тот схватился за лезвие и порезался, видите затоптанные алые капли, это и есть кровь вышибалы. Вы осмотрели двор?

Надворный советник открыл было рот, но ничего не произнес под пристальным взглядом Ивана Дмитриевича.

— Снега давно не было, и двор затоптан, но посмотрите где-нибудь у забора или за ним кучу снега, там, я думаю, и лежит брэнное тело Ивана Кожемякина. Не могу точно сказать, почему не бросили его в сених, не знаю. Может, чего-то опасались, не знаю.

— Может... — начал пристав, но осекся.

— Вот мне одно не дает покоя — девицы. Где они, сказать не могу, но смею предположить, что они, как ходовой товар, увезены на продажу в другой дом терпимости, хотя вести такой гарем очень затруднительно. Сколько их здесь было? — обратился Путилин к исправнику.

— Семь.

— Значит, семь.

— Да, — предвосхищая вопрос начальника сыскной полиции, исправник сказал: — Среди убиенных ни одной из них нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Убийцы заглянули на кухню, потом прошли в комнату Федьки, он, видимо, поднялся и успел натянуть на себя портки, значит, пришедшие явились чуть позже пяти. Веселый всегда хвастал, что, несмотря ни на что, просыпался в пять. Поутру он пил чай и начинал заниматься делами. Исходя из вышеизложенных фактов, злодеи явились в пять, когда большинство обитателей сего дома отходит ко сну.

— Но Федька-то поднимался?

— Точно так, вот поэтому мы и можем говорить о времени убийства. Федьку один держал за ноги, навалившись телом, второй — заломил руки, а вот третий схватил за горло и периодически отпускал, я могу предположить, что требовали ключ от сейфа.

— Но его же зарезали?

— Да, но вы видели следы на шее Федьки? — вопросом на вопрос ответил Путилин.

— Я не обратил внимания.

— На шее багровые следы и маленькие пятна крови там же, убийца не только душил, но и колот в шею, а когда узнали то, что им требовалось, Веселый стал им не нужен.

— А остальные убитые?

— Они могли кого-то опознать, вот поэтому преступники и не пожалели свидетелей.

— А девицы?

— Вот они пока в мою схему убийства не укладываются, но, думаю, мы совместными усилиями найдем ответ на столь животрепещущий вопрос. Так что в первую очередь необходимо искать частых и дорогих гостей сего заведения, не просто дорогих, а знакомых Федора. Вы обратили внимание, что вещи в сундуке не выброшены на пол. Значит, убийца знал, в каком углу, под какой одеждой лежало что-то ценное, может, купленное недавно, может, деньги... да, скорее всего, деньги.

— Почему вы так думаете?

— Так посудите сами, Федор, хотя личность была общительная, но, как и всякий человек, не любил, когда ему глазели в спину при открытии сейфа, а значит, деньги на насущные нужды держал тут же, чтобы далеко не лазить. Допустим, в сундуке.

— Может быть.

— Убийца знал сей факт хорошо, ибо сам сбывал краденое Веселому.

— Похоже на правду.

— Отсюда следует, что искать надо среди местной братии.

— Иван Дмитрич, не факт. Возможно, что убийцы, то есть главный или один из них, приезжий, но хороший знакомый Федора, — вставил и свое слово надворный советник.

— Я тоже размышлял над этим, но посудите, если убийцы пришлые, то не явились же они в погоне только за нашим подопечным. Неразумно, здесь если брать, то куш в нескольких местах, и сразу в бега, то ли на юг, то ли в Польское царство, а может, и за границу. Значит, куш должен быть значительным, чтобы троим хватило надолго, но наши подопечные любят сорить деньгами, когда они есть, вот поэтому Федькин капитал привлекателен, но не так велик. И притом мы бы уже прослышали о других преступлениях, а ничего крупного в последнее время вроде бы не случилось... Так, Михаил Силантыч? — обратил свой взор начальник сыска на помощника.

— Так точно, — ответил Жуков, даже вытянулся, как на параде. — Никаких крупных преступлений в столице и близлежащих уездах.

— Вот, — сжал губы Путилин.

— Может, — вставил пристав, — Федька — первый в списке?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Глава первая ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПУТИЛИН	61
Глава вторая К ЧЕМУ ПРИВОДЯТ НОЧНЫЕ ПРОГУЛКИ	75
Глава третья ПРЕРВАННЫЙ СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ	82
Глава четвертая ПРОБУЖДЕНИЕ МОЛОДОГО ПОВЕСЫ	93
Глава пятая СЛЕДСТВИЕ В НАЧАЛЕ ПУТИ	100
Глава шестая СВЕТСКАЯ БЕСЕДА В КОМНАТЕ ДОПРОСОВ	114
Глава седьмая НАСТАВЛЕНИЕ ВОСКРЕСНОГО ДНЯ	123
Глава восьмая НЕВОД СЫСКА РАСКИНУТ	133
Глава девятая БЕСЕДЫ, БЕСЕДЫ, БЕСЕДЫ	140
Глава десятая ЖУКОВ В ПОИСКАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ	152
Глава одиннадцатая В ПОИСКАХ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА	163
Глава двенадцатая РЫБА САМА ПЛЫВЕТ В СЕТИ	178

Глава тринадцатая «МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ, У МЕНЯ ПЕЧАЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ...»	185
Глава четырнадцатая ТАЙНЫ КВАРТИРЫ ЧИНОВНИКА	196
Глава пятнадцатая ВТОРАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ	201
Глава шестнадцатая ГУБЕРНСКИЙ СЕКРЕТАРЬ, НАДВОРНЫЙ СОВЕТНИК И ШТАБС-КАПИТАН	211
Глава семнадцатая ПО НОВОМУ СЛЕДУ	220
Глава восемнадцатая ТОТ НЕ ТОТ, ДА ЭТОТ	231
Глава девятнадцатая СЛЕДЫ ОБРЕТАЮТ ОЧЕРТАНИЯ	238
Глава двадцатая СЛОВА, ДОРОГА И СНОВА СЛОВА	253
Глава двадцать первая В ОЖИДАНИИ ЧУДА	258
Глава двадцать вторая ДОПРОС С ПЕЧАЛЬНЫМ ИСХОДОМ	265
Глава двадцать третья А ЧТО ДАЛЬШЕ?	272
Глава двадцать четвертая МЧИТЕ, КОНИ, МОИ КОНИ	283
Глава двадцать пятая ЧТО ИМЕЕМ, НЕ ХРАНИМ	291
Глава двадцать шестая В ГОСТЯХ У ДОБРОПОРЯДОЧНОГО ЧЕЛОВЕКА	286

Глава двадцать седьмая ПИТЕРСКИЕ НАПАСТИ	313
Глава двадцать восьмая УЖ ОЧЕНЬ БЕСПОКОЙНЫЕ ГОСТИ	316
Глава двадцать девятая ДОНЕСЕНИЯ ТОЖЕ РАЗНЫМИ БЫВАЮТ.....	329
Глава тридцатая АХ ВЫ, ГОСТИ, МОИ ГОСТИ!	334
Глава тридцать первая ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ	341
Глава тридцать вторая ГОСТЕПРИИМНЫЙ ХОЗЯИН	353
ЭПИЛОГ	361

Литературно-художественное издание

Игорь Москвин

**УБИЙСТВО В НЕВСКОМ
ПЕРЕУЛКЕ**

Редактор А. Соловьев

Корректоры А. Филимонова, И. Жигалова, Л. Михайлова

Компьютерная верстка Н. Лаптева

Художник С. Соловьева

Подписано в печать 28.03.2019. Формат 84×108/32

Печ. л. 12,5. Гарнитура «Bookman Old»

Тираж 1000 экз. Заказ

ИД «Флюид ФриФлай»

109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, кор. 2

тел. +7 (985) 8000 366

fluidfreely.ru

e-mail: info@fluidfreely.ru

Интернет-магазин www.gorodets.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский Печатный двор».

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1,

www.chpd.ru,

тел. +7 (499) 270 7359

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ИВАН ПУТИЛИН

Начальник петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин не распускал ни себя, ни своих сотрудников и работал над своим любимым делом с несомненным желанием оказывать действительную помощь трудным задачам следственной части... По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутьё, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходят безучастно, соединялись в нём со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. В Петербурге в первой половине 70-х годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда.

А. Ф. Кони

*«Из воспоминаний
о начальнике петербургской
сыскной полиции И. Д. Путилине»*

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ФЛЮИД

FreeFly

www.gorodets.ru

ISBN 978-5-906827-55-5

9 785906 827555